

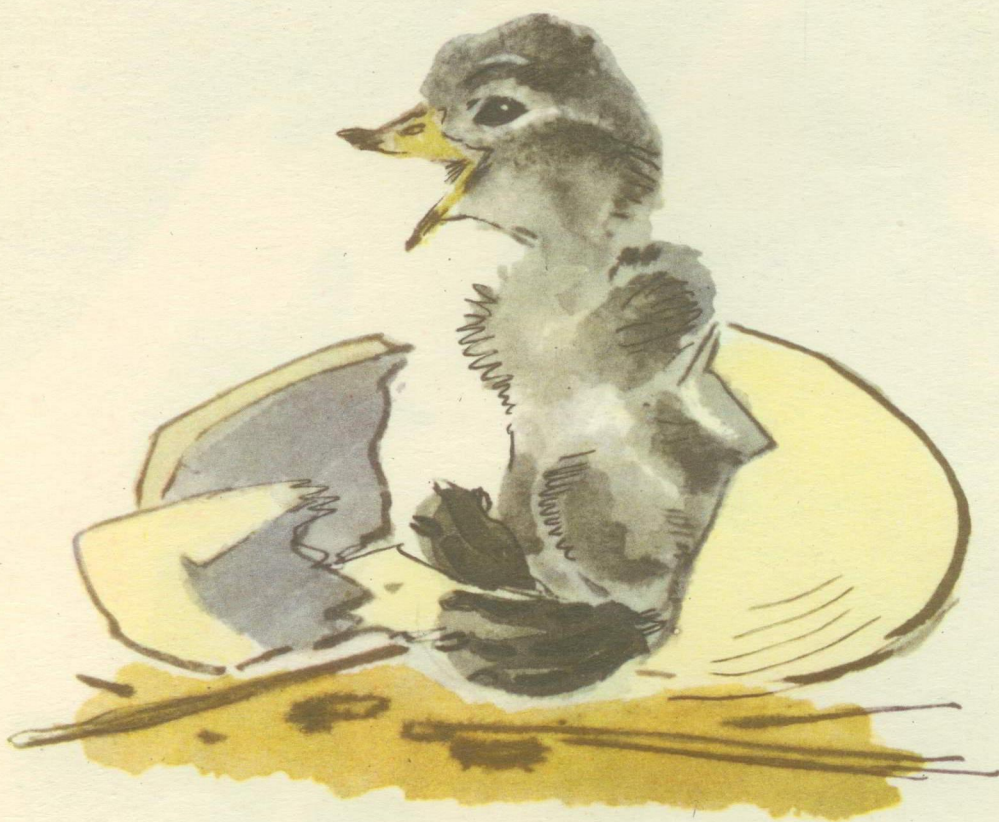
Г.-Х. АНДЕРСЕН

Гадкий утёнок

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ • 1975

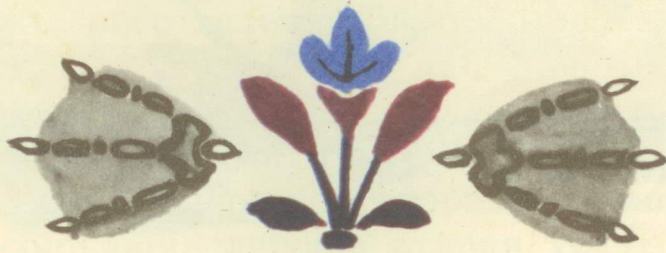

РИСУНКИ В. БЕЛЫШЕВА

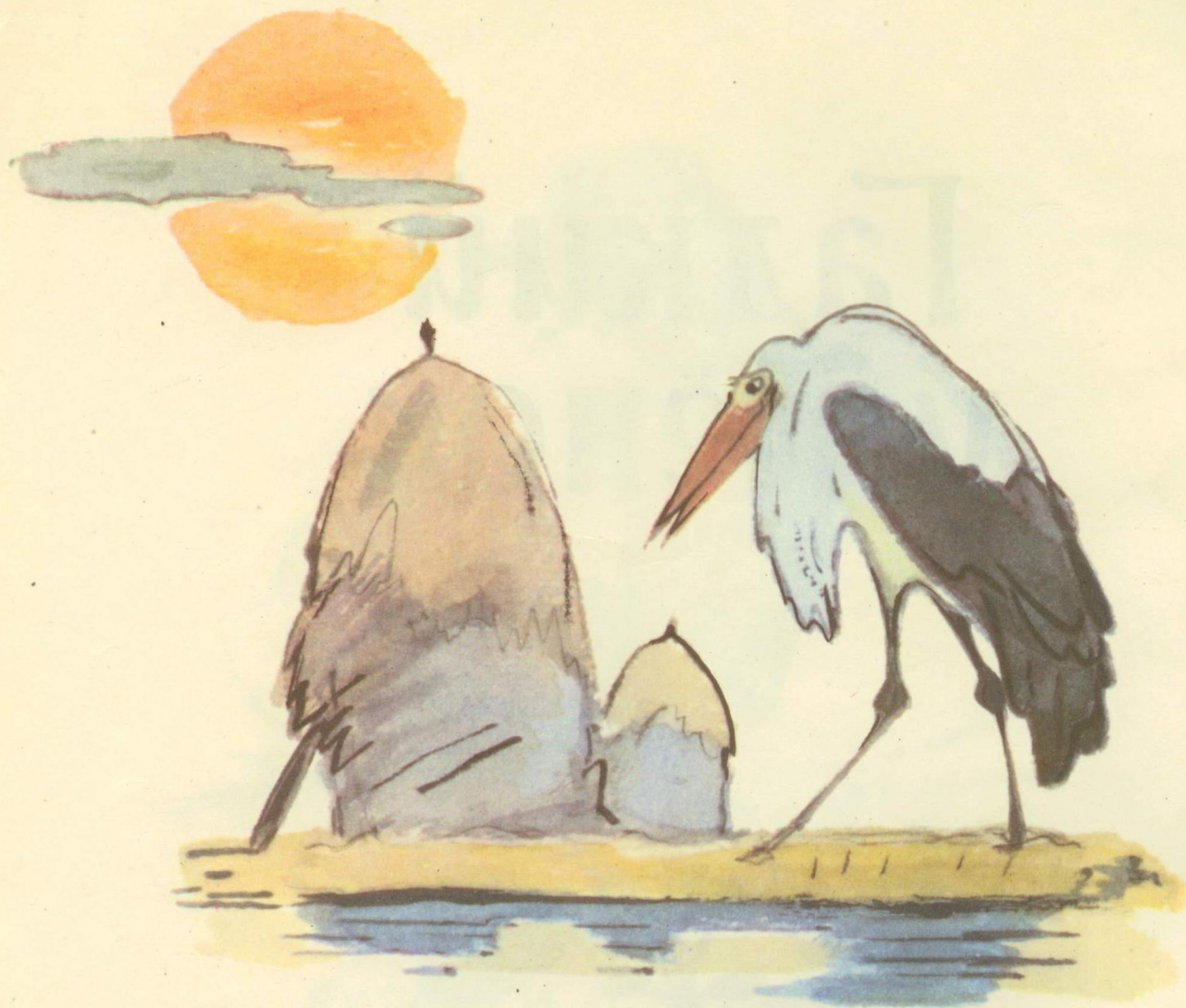

Г.-Х. АНДЕРСЕН

Гадкий уѣенок

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
МОСКВА • 1975

Хорошо было за городом. Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овёс зеленел, сено было смётано в стога; по зелёному лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами тянулись большие леса, а в лесах были глубокие озёра. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окружённая глубокими канавами с водой; от стен дома до самой воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятки могли стоять под самым крупным из его листьев во весь рост. В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в самом густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это порядком надоело. К тому же её редко навещали: другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе да кричать с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

— Пип! Пип! — запищало внутри.

Все яичные желтки ожили и высунули головки.

— Кряк! Кряк! — сказала утка.

Утята кое-как выкарабкались из скорлупы и стали ози-
раться кругом, разглядывая зелёные листья лопуха; мать
не мешала им — зелёный цвет полезен для глаз.

— Ах, как велик мир! — сказали утята.

Ещё бы. Теперь им было куда просторнее, чем тогда,
когда они лежали в своей скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — ска-
зала мать. — Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда,
за сад, в поле, но там я отроду не бывала... Ну что,
все ли вы теперь тут? — И она встала. — Ах, нет, не все.
Самое большое яйцо целёхонько. Да когда же этому будет
конец? Я скоро совсем потеряю терпенье.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — спросила старая утка, которая при-
шла её навестить.

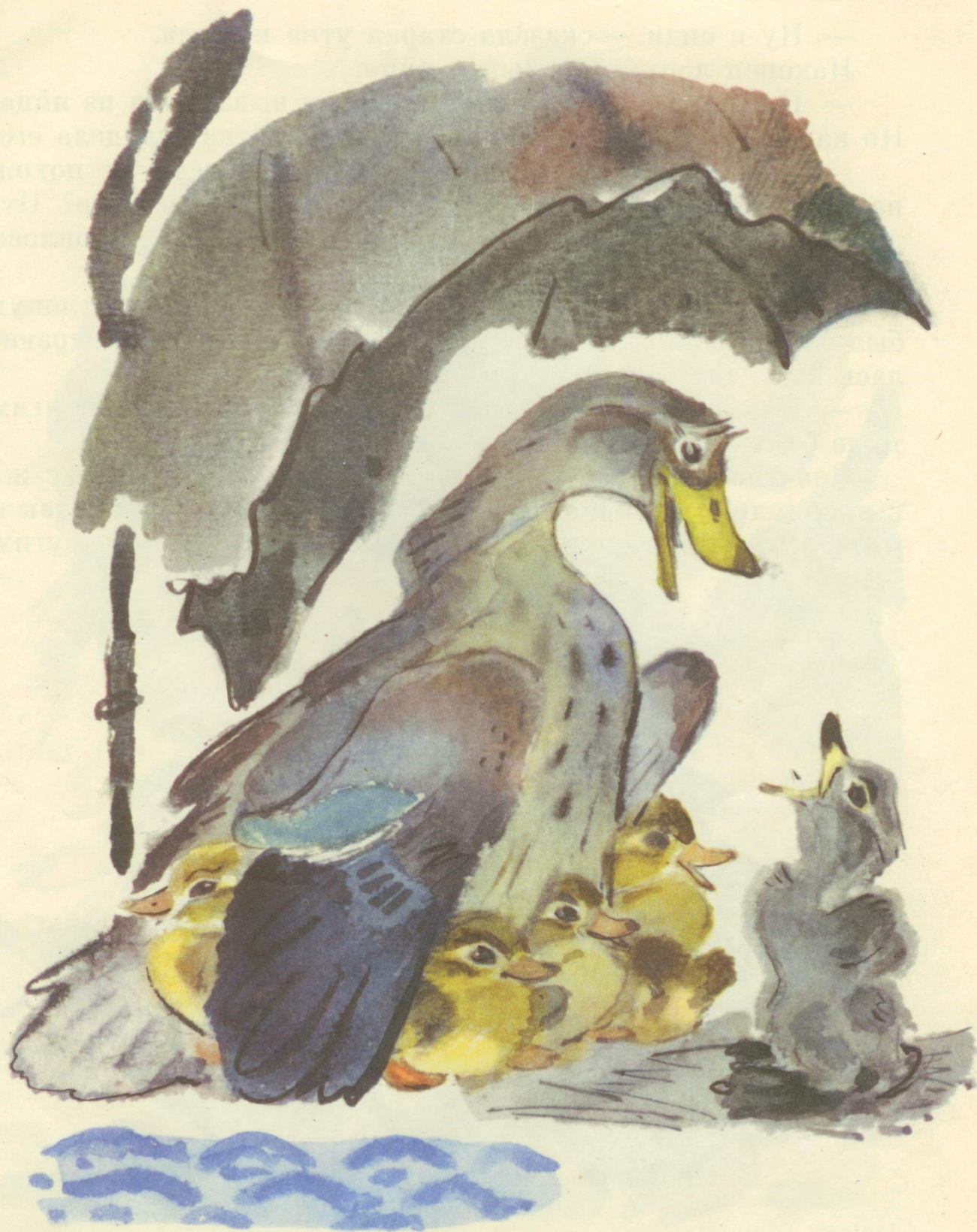
— Да вот, с одним яйцом никак не могу справиться, —
сказала молодая утка. — Всё не лопаётся, зато посмотри-
ка на малюток. Просто прелесть! Все, как один, — выли-
тый отец. А он-то, негодный, даже не навестил меня ни разу.

— А ну-ка, покажи мне яйцо, которое не лопаётся, —
сказала старая утка. — Поверь мне, это индюшечье яйцо.
Вот точно так же и меня однажды провели. И хлопот же
мне было с этими индюшатами. Я никак не могла зама-
нить их в воду; уж я крякала-крякала — не идут, да и ко-
нец. Дай-ка я ещё раз взгляну. Ну, так и есть. Индю-
шечье. Брось-ка его да ступай, учи других.

— Нет, уж я лучше посижу ещё немного, — сказала
молодая утка. — Я столько сидела, что можно и ещё посидеть.

— Ну и сиди, — сказала старая утка и ушла.
Наконец лопнуло большое яйцо.

— Пип! Пип! — пропищал птенец и вывалился из яйца.
Но какой же он был большой и гадкий! Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она. — И совсем не похож на других. Уж не индюшонок ли это в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой.

На другой день погода стояла чудесная, зелёный лопух был залит солнцем. Утка со всей своей семьёй отправилась к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде.

— Кряк! Кряк! — позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперёд. Лапки у них так и работали. Даже гадкий серый утёнок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Вон как славно гребёт лапками. И как прямо держится. Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе не дурён, как по-смотришь на него хорошенько. Ну, живо, живо, за мной. Я сейчас введу вас в общество — мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек.

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки, что тут был за шум! Две семьи дрались из-за одной угриной головки, которая в конце концов досталась кошке.

— Так-то всегда бывает на белом свете, — сказала утка и облизнула язычком клюв, она и сама была не прочь отведать угриной головки. — Ну, ну, шевелите лапками, — сказала она утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке. Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у неё на лапке красный лоскуток? Как красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что её не хотят потерять — по этому лоскутку её сразу узнают и люди, и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе. Благовоспитанный утёнок должен выворачивать лапки наружу, как отец и мать. Вот так. Смотрите. Теперь наклоните головки и скажите: кряк!

Они так и сделали. Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

— Ну вот, ещё целая орава! Точно без них нас мало было. А один-то какой безобразный! Его уж мы никак не потерпим.

Сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

— Оставьте его, — сказала утка-мать. — Ведь он вам ничего не сделал.

— Положим, но он такой большой и странный, — прошипела злая утка. — Ему и надо задать хорошенько.

— Славные у тебя детки, — сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. — Все милы, кроме одного. Этот не удался. Хорошо бы его переделать.

— Это никак невозможно, ваша милость, — ответила утка-мать. — Он не красив, но у него доброе сердце, а плавает он не хуже, смею даже сказать, лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет меньше. Он слишком долго пролежал в яйце и потому не совсем

удался. — И она почесала ему спинку и разгладила пёрышки. — Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, что он вырастет сильным и пробьёт себе дорогу.

— Остальные утята очень-очень милы, — сказала старая утка. — Ну, будьте же, как дома, а если найдёте угриную головку, можете принести её мне.

Вот утята и стали вести себя, как дома. Только бедного утёнка, который вылупился позже других и был такой гадкий, задевали решительно все. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже и куры.

— Слишком велик, — говорили они. А индейский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утёнку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью. Бедный утёнок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же ему было уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеётся над ним.

Так прошёл первый день, а потом стало ещё хуже. Все гнали бедного утёнка, даже братья и сёстры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод». А мать прибавляла: «Глаза бы мои тебя не видали». Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногою. Наконец утёнок не выдержал, перебежал двор и — через изгородь. Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Они испугались меня — такой я безобразный», — подумал утёнок и пустился с закрытыми глазами дальше, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Здесь он пролежал всю ночь. Он устал, и ему было очень грустно.

Утром дикие утки поднялись из гнёзд и увидали нового товарища.

— Это что за птица? — спросили они.

Утёнок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

— Ну и гадкий же ты, — сказали дикие утки. — Впрочем, нам до этого нет дела, только не вздумай, пожалуйста, породниться с нами.

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом. Только бы позволили ему посидеть тут в камышах да попить болотной водицы.

Так просидел он в болоте два дня. На третий день туда прилетели два диких гусака. Они только недавно вылупились из яиц и поэтому очень важничали.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой урод, что, право, нравишься нам. Хочешь бродить с нами и быть вольной птицей? Здесь поблизости есть другое болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «рап! рап!» Ты такой урод, что — чего доброго — будешь иметь у них большой успех.

Пиф! паф! — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мёртвыми; вода окрасилась их кровью. Пиф! паф! — раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба. Охотники облегли болото со всех сторон; некоторые из них устроились даже в нависших над болотом ветвях деревьев. Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой. По болоту бегали охотничьи собаки: шлёп! шлёп! Камыш и осока качались из стороны в сторону. Бедный утёнок был ни жив ни мёртв от страха. Он только что хотел спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним очутилась охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она приблизила к утёнку свою пасть, оскалила острые зубы и — шлёп! шлёп! — побежала дальше.

«Не тронула, — подумал утёнок и перевёл дух. — Видно, я такой безобразный, что даже собаке противно съесть меня».

И он притаился в камышах; над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утёнок ещё боялся пошевелиться. Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся и пустился бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утёнок еле-еле мог двигаться.

К ночи он добежал до бедной избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась. Ветер так и подхватывал утёнка — приходилось упираться в землю хвостом.

К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит так криво, что можно свободно проскользнуть через эту щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старуха со своим котом и курицей. Кота она звала «сыночком»; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже испускать искры, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, и потому её так и прозвали «коротконожкой»; она прилежно несла яйца, и старушка любила её, как дочку.

Утром чужого утёнка заметили; кот начал мурлыкать, а курица клохтать.

— Что там? — спросила старушка, осмотрелась кругом и заметила утёнка, но по слепоте своей приняла его за жирную утку, которая отбилась от дома.

— Вот так находка, — сказала старушка. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну, да увидим, испытаем.

И утёнка приняли на испытание. Но прошло недели три, а яиц всё не было.

Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой — курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет». Они считали самих себя половиной всего света и притом — лучшей половиной. Утёнку казалось, что можно на этот счёт быть и другого мнения. Но курица этого не допускала.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утёнка.

— Нет.

— Так и держи язык на привязи.

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спину, испускать искры и мурлыкать?

— Нет.

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди.

И утёнок сидел в углу нахохлившись.

Вдруг ему вспомнился свежий воздух, вспомнилось солнышко, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой? — спросила она. — Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха. Неси-ка яйца или мурлычь — дурь-то и пройдёт.

— Ах, плавать так приятно! — сказал утёнок. — Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубь.

— Вот так удовольствие! — сказала курица. — Ты совсем с ума сошёл. Спроси у кота — он умнее всех, кого я знаю, нравится ли ему плавать и нырять? О себе самой я уже и не говорю. Спроси, наконец, у нашей ста-

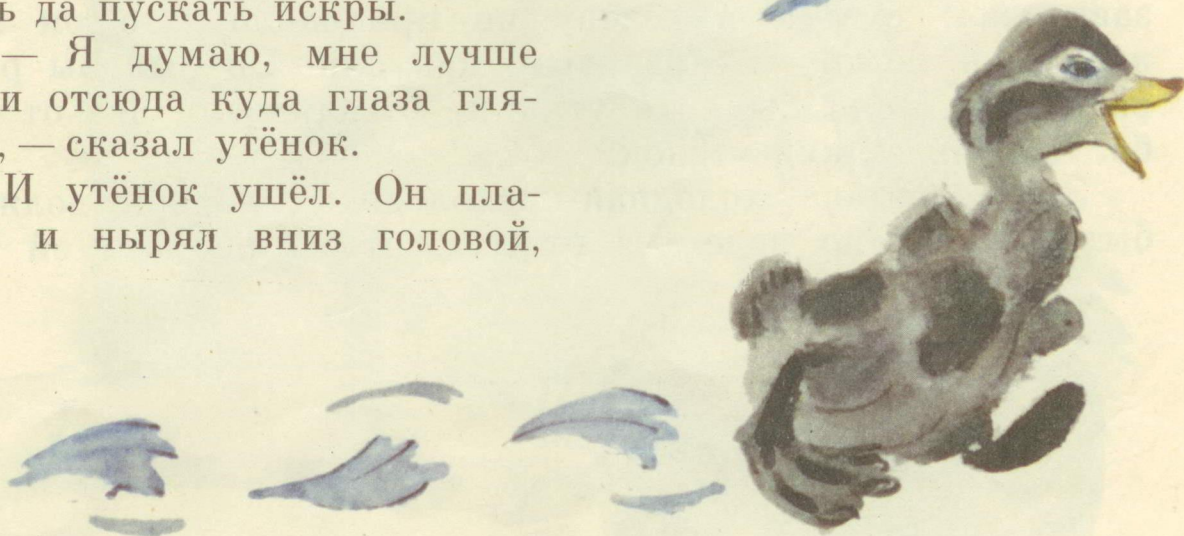
рушки-госпожи, умнее её нет никого на свете. Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубь.

— Вы меня не понимаете, — сказал утёнок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймёт! Что же, ты хочешь быть умнее кота и нашей госпожи, не говоря уже обо мне? Не дури, а будь благодарен за всё, что для тебя сделали. Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты — пустая голова, и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне. Я желаю тебе добра, потому и браню тебя; так всегда узнаются истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да пускать искры.

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят, — сказал утёнок.

И утёнок ушёл. Он плавал и нырял вниз головой,

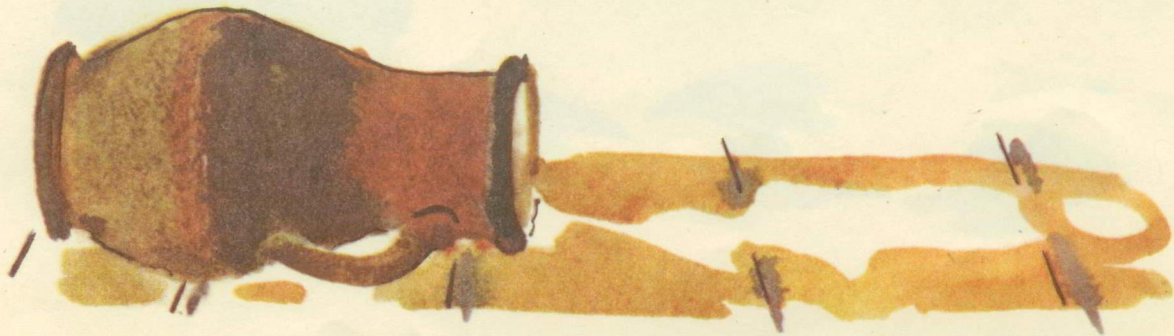

но все вокруг по-прежнему смеялись над ним и презирали его за безобразие.

Настала осень; листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху. Стало очень холодно. Тяжёлые тучи сыпали на землю то град, то снег, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во всё горло! Брр! замёрзнешь при одной мысли о таком холоде. Плохо приходилось бедному утёнку.

Раз под вечер, когда солнышко ещё сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чудных больших птиц. Таких красивых птиц утёнок никогда ещё не видал — все они были белые, как снег, с длинными, гибкими шеями. Это были лебеди. Испуская какие-то странные крики, они взмахнули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в тёплые края, за синее море. Они поднялись высоко-высоко, а бедного утёнка охватила непонятная тревога. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Ах, он не мог оторвать глаз от этих прекрасных, счастливых птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, выплыл опять и долго не мог опомниться. Утёнок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал: ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они. Он был бы радёхонек, если бы хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утёнок.

Зима настала холодная-прехолодная. Утёнок должен был плавать по воде без отдыха, чтобы не дать ей за-

мёрзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась всё меньше и меньше. Морозило так, что даже лёд потрескивал. Утёнок без устали работал лапками, но под конец совсем выбился из сил, растянулся и примёрз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидел примёрзшего ко льду утёнка, разбил лёд своим деревянным башмаком и отнёс полумёртвую птицу домой к жене. Утёнка отогрели.

Дети вздумали поиграть с ним, а ему показалось, что они хотят обидеть его. Он шархнулся от страха и попал прямо в подойник с молоком. Молоко расплескалось. Хозяйка вскрикнула и замахала руками, а утёнок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда — в бочонок с мукой. Батюшки, на что он стал похож!

Женщина гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали, визжали; хорошо что дверь была открыта, — утёнок выскочил, кинулся в кусты, прямо на свежавыпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья утёнка в эту суровую зиму.

Когда же солнышко опять пригрело землю своими тёплыми лучами, он лежал в болоте, в камышах. Запели жаворонки. Вернулась весна.

Утёнок взмахнул крыльями и полетел. Крылья его теперь были куда крепче прежнего, они зашумели и быстро понесли его вперёд. Не успел он опомниться, как уже очутился в большом саду. Яблони стояли все в цвету; душистая сирень склоняла свои длинные зелёные ветви над

извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утёнок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

— Я полечу к ним, к этим величавым птицам. Они, наверное, заклюют меня насмерть за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но пусть. Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою.

И он слетел в воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, которые, завидя его, замахали крыльями и тоже поплыли к нему.

— Убейте меня, — сказал бедный утёнок и опустил голову, ожидая смерти. Но что же увидел он в чистой, как зеркало, воде? Он увидел своё собственное отражение, но теперь он был уже не гадким тёмно-серым утёнком, а белым лебедем.

Не беда появиться на свет в утином гнезде, если выплывишь из лебединого яйца.

Теперь утёнок был даже рад, что перенёс столько горя и бед. Он много вытерпел и поэтому мог лучше оценить своё счастье и всё то великолепие, которое теперь окружало его. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его своими клювами.

В это время в сад прибежали маленькие дети. Они стали бросать лебедям хлебные крошки и зёрна, а самый младший из них закричал:

— Новый прилетел! Новый прилетел!

И все остальные подхватили:

— Новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости. Потом они побежали за отцом с матерью и опять стали бросать в воду крошки хлеба и пирожного. И дети и взрослые говорили:

— Новый лебедь лучше всех. Он такой красивый и молодой.

И старые лебеди склонили перед ним головы.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он вспоминал то время, когда все смеялись над ним и гнали его. А теперь все говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных лебедей. Сирень склоняла к нему в воду душистые ветви, а солнышко светило так тепло, так ярко... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

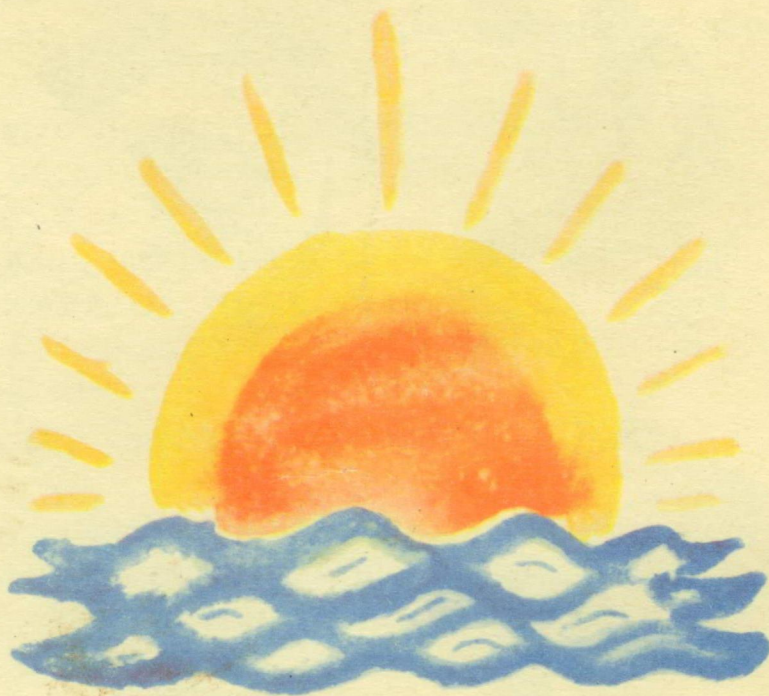
— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был ещё гадким утёнком!

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ганс-Христиан Андерсен

ГАДКИЙ УТЁНОК

Художник В. Бельшев

Редактор Т. Носова

Художественный редактор Ю. Поливанов

Технический редактор О. Шмалько

Корректор С. Бланкштейн

Сдано в производство 17/VII-74 г. Подписано в печать 23/XII-74 г. Бумага офсетная № 1. Формат 60×90/8. Печ. л 3,0. Уч.-изд. л. 2,05. Тираж 900 000. Изд. № 3176. Цена 18 коп. Заказ № 165. Издательство «Малыш» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы имени 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

А 70801—040 33—75
М102(03)—75